

Человек свободный¹

Невозможно смириться с тем, что его уже нет... У всех, кто с ним сталкивался, оставалось ощущение масштабности. Безусловность авторитета, который он в последние годы приобрел даже у людей, ему чужих и несимпатичных, вызвана не столько признанием его собственно научных заслуг, сколько острейшим дефицитом или даже массовой тоской по морально состоятельному, внутренне независимым людям. Написанное Левадой по-настоящему не прочитано. Состояние социальных наук в России таково, что умов, которые могли бы воспринять его идеи и концептуальные разработки, очень немного. Однако во всем, что он делал и говорил, угадывалось еще что-то, не сводившееся к "рейтингам" и результатам опросов. И пока это "что-то" ощущается, ему не грозит (пользуясь словами из его последнего интервью) "вытеснение в область мертвой памяти, которое не стимулирует интереса, поддерживает забывание".

То, что двигало Левадой на протяжении всей его жизни, было стремление самым серьезным образом взглянуть в человека нашего общества, понять, во что он верит, если верит, каковы смысловые источники и ресурсы этой веры или ее суррогатов и есть ли надежда, что коллективная жизнь данного социального подвида даст когда-нибудь кумулятивный эффект накопленных изменений, позволяющий сказать: ну вот, кажется, стало чуть меньше людоедства, репрессивности, холуйства, формы социальной жизни приобретают некую цивилизованность.

Проблема для Левады заключалась в том, что главной опорой прежнего тоталитарного или нынешнего полицейского режимов является человек, адаптировавшийся к насилию, даже не столько к внешнему, сколько к внутреннему, человек, принявший его в качестве "естественных рамок" реальности и самого себя. Это та исследовательская проблема, которую отбросила западная социология, долгие десятилетия полагавшая, будто стоит изменить формы социальной организации, перенести европейские институты демократии и рынка, и все будет хорошо. У западной социологии не было ни средств, ни интереса к решению такого рода проблем, нет их и сегодня (отсюда такой чудовищный и глупый провал в Ираке).

Полученные Левадой ответы на поставленные им же вопросы были окрашены скорее пессимизмом. Хотя, как он всегда говорил, история — открытый процесс, поскольку в него включены люди с известной свободой и нравственным выбором.

---

¹ Напечатанная в газете "Коммерсант" за 20 ноября 2006 года статья, посвященная памяти Юрия Левады, предоставлена для публикации в нашем журнале ее авторами — друзьями и соратниками Юрия Александровича.

Вехи

Левада не был диссидентом, хотя и в советские времена, и до последних дней был дружен со многими правозащитниками. Интерес к тоталитарным формам социальной организации, тоталитарной мифологии и идеологии он пронес с самых первых своих научных работ. Его кандидатская была связана с коммунистическим Китаем, где он побывал в начале 1950-х и опыт изучения которого позволил ему лучше понять советскую систему. Дальше было обращение к социологии религии и массовым идеологиям.

После отстранения от преподавания в МГУ, где он три года читал свои “Лекции по социологии” (1967–1969), ему были закрыты практически все пути к публикации. Но именно в эти годы написаны чрезвычайно важные статьи по структуре социального пространства и времени, экономической антропологии, природе сложных социальных и культурных действий, намного опережающие аналогичные разработки в западной социологии, которая постепенно теряла характер фундаментальной науки и все больше превращалась в область прикладного знания, дополнительного к социальному проектированию и управлению.

С середины 1970-х возобновил регулярную работу семинар Левады, существовавший еще с 1966 года и в измененной форме доживший до настоящего времени. На нем выступали практически все известные в стране исследователи, ученые, даже поэты — от С.Аверинцева и М.Мамардашвили до А.Вишневского, С.Лема и Д.Самойлова. Внутренним стержнем семинара, на котором выступали социологи и экономисты, психологи и демографы, историки словесности и просто историки, так или иначе была тема модернизации в ее российских и советских особенностях. А делом, которое Левада создавал в собственных публикациях тех лет, стал теоретический проект социологии действия и общества как системы (его пространственно-временных координат, репродуктивных механизмов). Этот самый сложный проект принял концентрированную форму в нескольких статьях, позже вошедших в сборник “Статьи по социологии” (1993), увы, всерьез не прочитанный ни социологами, ни гуманитарным сообществом.

С перестройкой появилась возможность новых форм исследования прежних вопросов. Отсюда его решение в 1988 году прийти в созданный Т.Заславской и Б.Грушиным Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) вместе с прежними сотрудниками и соратниками. Его отдел во ВЦИОМе назывался отделом теории, сам он был теоретиком, что называется, от Бога, но разом и бесповоротно постановил для себя и дал понять нам всем: “Сегодня нужно другое”.

Так родилась и оформилась разновидность социологии, которой, кажется, нет аналогов ни у нас, ни за рубежом. Она основывается на гигантских массивах эмпирических данных, полученных в ходе регулярных опросов, и вместе с тем ставит задачу описания и понимания социальных, экономических, политических, культурных, национальных, электоральных процессов в нынешнем российском обществе. Интересом самого Левады в рамках этого проекта была *антропология советского человека в постсоветских и постимперских условиях*. Именно этому были посвящены его основные статьи последних 12 лет, составившие два массивных сборника — “От мне-

ний к пониманию. Социологические очерки 1993–2000” (2000) и ”Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005” (2006).

Человек свободный

Наш центр носит свое нынешнее имя не волей случая — он дело и детище Юрия Левады, еще одна жизненная удача лидера и созидателя. О том, в каких условиях в последние годы приходилось работать, Юрий Александрович писал не раз. Прочитируем его ответ на вопрос о том, кто сегодня герой нашего времени (интервью 2004 года): “Мелкий чиновник. С одной стороны его люди воспринимают за хозяина. Но на самом деле он знает, что скорее является винтиком, мышкой. Он и не хочет, чтобы его таковым считали. Но у нас эпоха имитации прошлого величия, великих деятелей через маленьких чиновников. Имитация порядка, страха, доверия, успеха. Все, что ни тронешь, все имитация. Некая аналогия живых кукол, которые имитируют функции живых людей”.

Почему задуманные Левадой дела получались и получали продолжение? Добавим к сказанному одно: он был свободным человеком. Никогда не проповедуя и никого не уча свободе, он воплощал ее в себе, в своих спонтанных реакциях и продуманных решениях, словах и поступках, да просто в жестах, посадке, одежде. Недаром в финале давней статьи он писал: “Свободная деятельность человека существует и может существовать во всех сферах его жизни и времени, на пересечении влияний разных социокультурных сил, в борьбе с ними — и за их рамками”. Резюмируется теория, а звучит как завет.

Повторяя своим ближайшим сотрудникам, начинавшим время от времени впадать со второй половины 1990-х годов в уныние, “душа обязана трудиться”, он сам работал как никто. Активный в жизни, Левада был фаталистичен по отношению, пожалуй, только к смерти. Его жизнь состоялась, его смерть была скорой. Он так хотел. Он и в этом остался собой.

ЛЕВ ГУДКОВ, БОРИС ДУБИН,
сотрудники “Левада-центра”